

«У меня нет комплекса Электры»

Кинорежиссер. — 2005. — 15 ноября. — с. 2-4.

После премьеры фильма «Моему папе 100 лет» ИЗАБЕЛЛА РОССЕЛЛИНИ ответила на вопросы АНДРЕЯ ПЛАХОВА о своем отце Роберто Росселлини.

— Как впервые вы сформулировали для себя идею будущей картины?

— Еще пару лет назад я стала понимать, что надвигается круглая дата. Знала, что выйдут посвященные ей книги, статьи. Но меня не привлекала перспектива провести весь 2006 год в «мемуарном настроении». Хотелось сделать что-то выходящее за рамки сухого киноведения и архивистики. Мне стало ясно, что лучше всего было бы снять фильм. Но опять же — не архивно-биографический, не документальный, ничего общего с неореализмом, а мой личный. Это фильм дочери, которая продолжает любить своего отца спустя 29 лет после его смерти. Это также фильм, в котором отражено мое представление об истории кино и его ключевых деятелях. Хотя опять же он построен на очень личном материале, на воспоминаниях того недолгого периода, когда я жила с отцом и матерью в Америке.

— Ваша семья была близка со всеми героями фильма?

— Моя мать работала с Селзником. Фотография Чаплина стояла на столе отца с дарственной надписью. Феллини был сценаристом фильма «Рим, открытый

город» и в этот период был особенно близок с папой.

— Помимо личных воспоминаний вы использовали архивные материалы?

— Конечно, я использовала старые фотографии. Но мой отец и окружавшие его люди не думали о славе, как и некоторые кинозвезды, как ни трудно это поверить. В 40-е годы только у моей матери и у Бэт Дэниелс был как-то организован архив. Когда умерла Кэтрин Хенбери, выяснилось, что ничего не осталось из писем и документов.

— Почему для воплощения столь личного замысла вы выбрали режиссера Гая Мэддена?

— Мы с Гаем работали над фильмом «Самая печальная музыка на свете». И уже тогда, видя киноманский тип режиссуры этого необычного человека, я стала думать про фильм об отце. Отец в конце жизни считал, что то кино, которому он посвятил себя, забыто или будет забыто миром, одержимым развлечениями. Действительно, в Америке, например, в течение 18 лет ни разу не показывали шедевр Росселлини «Рим, открытый город». И все же то кино, которое он любил, не умерло. Я убедилась в этом, побывав в Туринском музее кино — если бы я сделала это раньше, возможно, мой фильм получился бы более оптимистичным. Гай Мэдден — один из тех редких

режиссеров, которые чутки к материи кино. Он маргинал, и мы снимали фильм в уединенном месте в Канаде — типа тех заброшенных уголков земли, которые так любил мой отец. Вспомните «Стромболи» — фильм, о котором я говорю: если бы его не было, я бы не появилась на свет.

— Каковы ваши самые сильные воспоминания, связанные с отцом и матерью?

— Я бываю сентиментальна — каждый раз плачу, когда смотрю «Касабланку». То же самое касается отца. Помню его нежным и домашним, совсем не тираним, как ким многие представляют режиссера на съемочной площадке. Мне видится: он лежит в постели, я обнимаю его, прижимаюсь к его животу. Отсюда и пришел главный образ картины, который позволяет избежать сентиментальности и придать жизненной драме немного комический тон. Кроме того, в некоторых языках — кажется, славянских — «живот» означает жизнь.

— В вашей близости с отцом можно усмотреть что-то психоаналитическое...

— В Америке, как там принято, я бывала у психотерапевтов и психоаналитиков. И это было очень по-американски, когда они, зная, кто мой отец и мать, спрашивали, есть ли у меня комплекс Электры. Так вот, у меня нет комплекса Электры. У меня есть глубокая внутренняя связь

с отцом. Я всю жизнь использую его уроки, даже те, которые он не успел мне преподать.

— Вы имеете в виду профессиональные уроки?

— В каком-то смысле — да. Хотя отец никогда не говорил о кино так, как говорили о нем мои бывшие мужья Мартин Скорсезе и Дэвид Линч. Если бы отец был жив, он и сегодня бы говорил об Ираке, о голоде, от которого страдают миллионы людей, а кино использовал бы как язык, чтобы поднимать эти вопросы. В то время как Мартин и Дэвид, вообще современные режиссеры обожают говорить о кино как таковом — больше их мало что волнует. Росселлини не принадлежал к школе «искусство для искусства» или show must go on. Он был прежде всего человек, уже потом — художник и гений. Когда меня ребенком забрали врачи с приступом, отец бросил съемки и помчался в больницу в другую часть мира.

— У вашего отца есть и другие дети. И не все из них счастливы...

— Нашу семью называют одной из немногих «больших семей итальянского кино». Больше всего меня поражает и даже часто радует, что все мы живем в совершенно разных контекстах. Я связала свою жизнь с Америкой. Мой старший брат Роберто Росселлини — художник, живет в Италии. Моя сестра-близнец

преподает литературу в университете, она позаимствовала весь интеллектуализм отца — мне осталось совсем немножко. У папы остались также дети от его третьей жены-индианки. Некоторые из них мусульмане, один из них тяжело болен, находится в клинике в Швейцарии, я на днях поеду навестить его.

— Как непосредственно повлиял отец на вашу карьеру?

— О, эти разговоры о карьере. Помню, отец говорил матери: я погубил твою карьеру. Ингрид Бергман возражала: нет, это я разрушила твою. Отцу был невыносим сам факт того, что я пытаюсь стать актрисой. Мне кажется, он бы просто убил меня, если бы узнал, что я отправилась на кинопробы или поступила в киношколу, и я боялась его гнева. Именно поэтому начала делать так называемую карьеру в кино только после его смерти. До этого училась на костюмера, была моделью. Потом начала работать с братьями Тавиани над небольшой ролью, где фактически была не актрисой, а скорее типажом. Тавиани были учениками и последователями отца, он их любил, а моя мудрая мать сказала: найди лазейку — ты можешь стать актрисой, как бы не будучи ею. Так я и сделала. Вот вы смотрите на меня в этом костюме: не правда ли, я не так уж плоха в образе мужчины? Правда, я могу теперь и это сыграть?